

ОТКРЫВАЯ ОКНО,
УВИДАЛ Я СИРЕНЬ...

Запевающий сон, зацветающий цвет,
Исчезающий день, погасающий свет.
Открывая окно, увидел я сирень.
Это было весной — в улетающий день.

Александр Блок

КАТЯ

(Рассказывает Юрий Тагильцев)

Детство я провел в Ильичевке. Так назывался подмосковный барачный городок от Электромеханического завода имени Владимира Ильича, раньше носившего имя Михельсона: именно там, на заводском дворе, Фанни Каплан когда-то стреляла в вождя мирового пролетариата. На заводе работал отец, а мама была учительницей начальных классов. Отца я помню плохо: он ушел на фронт, когда мне исполнилось восемь лет. С войны отец не вернулся, и мама одна растила нас с младшей сестрой.

Жили бедно и голодно, но воспоминания о детстве светлые: рядом располагалось заброшенное имение с большим прудом, где мы летом купались, а зимой катались на коньках, прикручивая их к валенкам. Во время войны, конечно, было не до коньков и купаний, но зато потом наверстали. Помню, как мы лихо прыгали с тарзанки, лазили в чужие сады за яблоками и смотрели трофейное кино на открытой летней веранде, проникая туда без билета. Правда, за мной везде хвостиком таскалась сестрен-

ка, но я понимал, что маме некогда за ней присматривать.

Учился я хорошо, особенно по литературе и русскому: дома было много книг, а я рано научился читать. Сочинения я писал лучше всех, и учительница уверяла, что у меня несомненный литературный талант. Еще я пописывал заметки для стенгазеты и регулярно вел дневник, в который заносил не только жизненные впечатления и цитаты из прочитанных книг, но и собственные выдуманные истории — вполне в духе Стивенсона или Майн Рида, пользовавшиеся большим успехом у одноклассников. Я не придавал этим историям особенного значения: мне казалось, у всех в головах происходит подобное мельтешение персонажей и сюжетов.

Катя разбудила во мне творческий жар. Сначала я просто хотел освободиться от внутренней боли: перенесенная на бумагу, она отделялась от меня и становилась фактом литературы, а не жизни. Я рассыпал по страницам зерна слов, но прорастали они у меня в душе, и ростки имели шипы. Это был процесс бесконечный, сладостный и мучительный: снова и снова переживал я шесть дней любви, снова и снова горел на костре неутоленной страсти, тоски и обиды.

Я написал несколько рассказов с разными финалами, в которых Катя представляла в образах то мятушейся жертвы, то блудницы, то трепетной возлюбленной или верной жены. Чего только не происходило в этих фантазиях: она убегала от мужа, и мы жили с ней долго и счастливо; муж настигал нас

Открывая окна, увидал я сцену...

и убивал — либо обоих, либо меня одного; я приходил к заветной двери, а оттуда выносили гроб с ее телом...

Постепенно образ Кати размылся, истаял, превратился в смутное видение, но чувство мое к Кате не умерло и постоянно ощущалось, словно больной зуб, ноющий время от времени. Кто из писателей сказал, что любовь — это зубная боль в сердце? Флобер? Не помню.

Я окончил МВТУ имени Баумана, а потом, проработав пару лет инженером на ЗИЛе, устроился внештатным корреспондентом в «Вечерку» — редакции понравился мой очерк в заводской многотиражке. Поступил в Литературный институт, писал рассказы, постепенно набралось материала на небольшую книжку, потом на вторую, потом роман написал, приняли в Союз писателей, так оно и пошло. Дорос до маститого писателя: книжек вышло без счета, а по моим сценариям уже снято восемь фильмов. Но иной раз думаю, что не повстречай я Катю, так и работал бы до сих пор на ЗИЛе и ни о каких сценариях не помышлял.

Встреча с Катей произошла в середине мая 1952 года. Я учился на втором курсе, жил в общежитии, получал стипендию, которой еле хватало на неделю, так что подрабатывал как мог, даже вагоны разгружал. Потом однокурсник Лёнчик научил меня, как подкормиться на халяву: он был веселый парень, гитарист и хохмач, так что его часто приглашали на дни рождения и прочие праздники, словно массовика-затейника, а он прихватывал меня

в качестве моральной поддержки и просто по дружбе. Лёнчик был парень добрый — вернее, добродушный и незлобивый. Активная доброта требует приложения некоторых усилий, а он был именно что беззлобен. Пока Лёнчик развлекал народ, я осыпал комплиментами девушек, иной раз урывая поцелуй-другой, прилежно танцевал и помогал хозяйке дома убирать со стола, втихомолку пряча в специально взятый с собой портфель что-нибудь из непортящегося съестного или спиртного.

На одной из подобных вечеринок я и познакомился с Катей. Компания собралась большая, но мы с Лёнчиком мало кого знали, кроме хозяйки, имевшей прозвище Наташа-кудрявая, дабы отличить ее от прочих знакомых Наташ. У хозяйки не хватало стульев, и она послала меня к соседке, обещавшей поспособствовать. Я позвонил, соседка поманила меня за собой, и я прошел в большую комнату, где ярко горела огромная семирожковая люстра. Ее золоченая арматура и срединное круглое матовое стекло с гравировкой поразили мое воображение.

— Вот эти возьмите! — сказала соседка, показывая мне на четыре венских стула с гнутыми спинками. — Донесете? А я табуретку прихвачу.

— Да не утруждайтесь, — галантно возразил я. — Отнесу стулья, приду за табуреткой.

— Я тоже к Наташе иду, ничего. Табуретка легкая. Да, меня Катей зовут.

— А я Юрий Тагильцев.

— Екатерина Кратова, очень приятно. Ну что, идем?

Открывая окна, увидал я сирень...

Я наконец оторвался от люстры, на которую все косился, взглянул пристально на Катю и ахнул: как я сразу не сообразил?! Именно эту девушку я видел полчаса назад, проходя по двору! Тогда она стояла у окна, прижав руку к груди, и я невольно замер, любуясь: девушка была очень хороша, в чем я сейчас имел возможность убедиться. Чуть выше меня ростом, темноволосая и яркоглазая, очень складная и фигуристая. На ней было легкое темно-вишневое платье с маленьким кружевным воротничком, слегка тесноватое в груди, и я невольно зацепился взглядом за длинный — до талии! — ряд близко посаженных мелких пуговок, обтянутых той же тканью. Потому что я разглядел и маленькие ушки с простыми сережками, и выразительные темные брови, и короткие завитки выбившихся из прически волос — она на старомодный манер уложила косу вокруг головы. Ее темно-карие глаза с очень яркими белками и тонкими длинными ресницами, выразительные и говорящие, в глубине своей скрывали не то постоянную тревогу, не то печаль, что странно контрастировало с выражением ее нежного рта, замершего в улыбке.

Мы некоторое время смотрели друг на друга, ничего не говоря. У меня было странное ощущение: нас с ней словно затягивало в водоворот, в невидимую воронку, и сопротивляться было бесполезно. Не знаю, сколько мы так простояли бы, если бы не зазвонил телефон. Катя сняла трубку, махнув мне рукой на стулья, и я послушно подхватил сразу четыре. Направляясь к выходу, я слышал голос Кати, отвечающей на вопрос звонившего:

— К Наташе. Ты ее знаешь — соседняя квартира. День рождения, да. Я ненадолго.

Мы с Катей сидели на противоположных концах длинного овального стола и обменялись буквально парой фраз, но мне все время казалось, что в комнате нас только двое живых, а остальные — фантомы, бледные призраки, ненужные и докучные. Катя ушла рано. В дверях она оглянулась и посмотрела мне прямо в глаза. Никогда раньше и никогда потом не бывало со мной ничего подобного: Катя своим взглядом словно передала мне послание, и я это послание понял — кивнул, а Катя чуть улыбнулась. Все было решено меж нами без единого сказанного слова.

Я оказался в каком-то замкнутом пространстве, за границами которого плохо различимые суетились и смеялись люди. Кто-то настойчиво предлагал мне холодец с хреном и подливал водку в граненую рюмку на высокой ножке, а Лёнчик, лихо опрокинув стакан, уже вовсю наяривал свое коронное: «На Дерибасовской открылась пивная, там собиралась компания блатная...» Я же не видел ничего, кроме Катиных зовущих глаз, завитков темных волос на белой шее и лифа ее вишневого платья с мелкими пуговками, которые я скоро буду расстегивать — одну за другой. В этот вечер я пересидел всех, даже Лёнчика. Принеся на кухню последние тарелки, спросил у Наташи, которая мыла посуду:

— Еще надо что сделать?

— Нет, спасибо Юрочка! Ты и так хорошо помог.

— Это я вместо подарка. Надо же было на день рождения с пустыми руками прийти! Прямо стыдно.

Открывая окна, увидал я сирень...

— Ладно, свои люди — сочтемся.

— Да, а стулья?

— Катины? Завтра отдам, а то поздно.

Я целомудренно чмокнул Наташу в щечку и вышел на площадку. Постоял, послушал, потом осторожно нажал кнопку Катиного звонка, коротко звякнувшего. Дверь распахнулась почти мгновенно, в проеме возникла Катя. Она приложила палец к губам, схватила меня за рукав и втянула в квартиру.

— Иди на свет, — прошептала она. — Только не шуми.

Мы шли на цыпочках, но из одной комнаты все-таки раздался слабый женский голос:

— Катя, пришел кто-то?

— Бабушка, это Наташа табуретку вернула! Спи себе.

Наконец мы оказались там, где горел свет, — это была, судя по всему, уже третья комната — спальня, о чем свидетельствовала кровать с резными спинками. Катя заперла дверь и прошептала:

— Раздевайся.

Я развязал галстук и снял пиджак, на большее меня не хватило. Ноги не держали, и я сел на край кровати. Все больше волнуясь, смотрел я, как Катя расстегивает крючочки на боку (пуговицы оказались декоративными) и стаскивает через голову свое вишневое платье. Оставшись в розовой комбинации, она подняла ногу на стул и осторожно скатала тонкий чулок, потом так же — второй. Сняла пояс с резинками. Заведя руки за спину, расстегнула лифчик и вытянула его из-под комбинации. Все это она про-

дельвала перед большим зеркалом-трельяжем, так что я видел Катю со всех сторон. Наконец она вынула из волос шпильки и встряхнула головой — тяжелая коса упала ей на спину, кончиком достав почти до талии. Катя обернулась ко мне:

— Ну что же ты?

Я встал. Катя подошла и принялась расстегивать ремень, а потом и брюки. Тут я опомнился и быстро избавился от одежды.

— Так-то лучше, — сказала Катя и обняла меня за шею. Мы поцеловались. Дальнейшее я помню смутно. Осталось только ощущение неимоверного чувственного восторга и неотвратимого падения в бездну. Необходимость соблюдать тишину настолько обострила наши чувства, что каждое прикосновение обжигало, а стук сердец оглушал. Прощла вечность, пока мы смогли заговорить.

— Тебе придется уйти в четыре, — прошептала Катя. — Потом бабушка может проснуться.

— А сейчас сколько?

— Два с небольшим.

— Хорошо, значит, еще раз успеем.

Катя тихонько рассмеялась и тут же зажала себе рот рукой.

— Неужто так понравилось? — спросила она.

— Ты необыкновенная, ты...

Я не находил слов, поэтому снова принялся ее целовать.

— Только никому не рассказывай, — велела Катя, прижимаясь ко мне. — Никому, понял?

— Конечно, нет! Я ж не трепло какое!

Открывая окна, увидал я сирень...

— Особенно Наташе.

— Да я ее почти не знаю. Просто пришел с Лёничком, и все.

— Это хорошо. А то ведь мог и не прийти. И я бы тебя не узнала...

Плечи ее задрожали, и я понял, что Катя плачет.

— Ну что, что ты, — забормотал я. — Что ты, Катенька? Милая моя, прекрасная!

В четыре утра я покинул ее квартиру. Уже рассветало, и лучи солнца, выглядывающего из-за домов, наискосок пронзали легкую дымку. Я прошел пешком от Полянки до Лефортова и сразу завалился спать. В одиннадцать вечера я опять стоял под Катиной дверью, как мы и договорились. Крался, словно шпион, оглядываясь и прислушиваясь, страшась на кого-нибудь напороться. И следующую ночь мы провели вместе, а потом...

Потом Катя сказала, что все кончено. Ее муж должен был послезавтра вернуться из командировки. О том, что она замужем, я и сам догадался в первый же день.

— Еще одну ночь! — взмолился я, даже не представляя, как вообще смогу без нее жить.

— Нельзя, — ответила Катя. — Во-первых, он может вернуться раньше, такое уже бывало. Во-вторых... Мне надо прийти в себя, понимаешь? Вернуться к себе прежней. Мне нелегко живется, а ты... Ты был моим праздником! Моей радостью. Я буду помнить тебя всю жизнь.

— Послушай, давай ты уйдешь со мной, а?

— Это невозможно.